

На правах рукописи

ЯРКЕЕВ Алексей Владимирович

УДК 111: 316 (043.3)

САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СМЫСЛА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В
МИФО–ЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

09. 00. 11. – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ижевск, 2006

Диссертационная работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор Ольга Николаевна Бушмакина

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Валерий Кириллович Трофимов

кандидат философских наук,
доцент Наталья Борисовна Ильина

Ведущая организация: ГОУВПО «Ижевская государственная
медицинская академия»

Защита состоится «__» _____ 2006 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета К.212.275.03. в Удмуртском государственном университете по адресу: 426034, г. Ижевск, УдГУ, ул. Университетская, д. 1, корпус VI, ауд. 208.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета:
кандидат философских наук, доцент

О.В.Санникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Актуальность избранной для исследования темы связана с общим кризисом классической рациональности с ее ориентацией на научность и универсальность описаний социального мира в терминах объективной истины. Данная установка в рамках «постсовременной» философии квалифицируется как логоцентристский миф западноевропейской культуры, исчерпавшей собственные возможности и подошедшей к пределу своего бытия. Вместе с тем, альтернативная научной рациональности постмодернистская деконструкция нацелена на уничтожение рациональности и субъективности, что приводит к порождению условий для возникновения современных мифов, то есть к мифологизации социальной дискурсивности.

Философская рациональность, таким образом, полностью «обнуляется» и замещается потоком чувствующего переживания, воспринимающего пограничное состояние культуры в общей атмосфере негативности и деструктивности. На границе собственного существования логос становится не отличимым от мифа, философия превращается в мифологию. На смену универсалистскому мифу «социального прогресса» приходит эсхатологический миф наступившего «конца социального», с необходимостью обесмысливающий социально-философскую дискурсивность. На этом фоне остро заявляет о себе необходимость введения в философский процесс саморефлексивного мышления, основанием которого является понимающий субъект как носитель смысла дискурсивности. Сохранение осмысленности социально-философских построений на базе мыслящей субъективности позволяет остаться в рамках социальной рациональности, не выходя в пространство мифологических представлений.

Степень изученности проблемы. Целостный подход к исследованию саморепрезентации смысла социальной реальности определяет ее рассмотрение в аспекте самоконструирующейся системы социального знания через точку социального субъекта. Самопредставление социальной реальности задается двумя способами, исходящими из имманентной либо трансцендентной перспективы описания общества. Имманентная позиция подходит к изучению социальной реальности в аспекте тождества как целостному образованию, в конструктах которого осуществляется самоопределение мышления исследователя. К авторам, в чьих текстах реализуется имманентный подход или, по крайней мере, прослеживаются попытки его придерживаться, можно отнести П. Бергера, П. Бурдьё, Г.-Г. Гадамера, Ж. Делёза, К. Кастириадиса, Ф. Коркюфа, Т. Лукмана, Н. Лумана, Ж.-Л. Нанси, П. Рикёра, М. Хайдеггера, Ф. Шеллинга, У. Эко, Н. Элиаса, А. Бикбова, О. Бушмакину, Ю. Качанова, В. Малахова и др.

Попытки выйти из замкнутой на саму себя имманентной системы и сделать ее доступной для рассуждений предпринимаются с позиций трансцендентного подхода, основывающегося на введении в изучаемую социальную систему различий как бинарных оппозиций и вынесении за ее пределы теоретика-наблюдателя. Данная методологическая установка четко прослеживается в работах Р. Барта, Ж. Бодрийяра, М. Вебера, В. Виндельбанда, Г. Гегеля, Ж. Деррида, Э. Дюркгейма, К. Леви-Строса, Ж.-Ф. Лиотара, К. Манхейма, Г. Риккерта и др.

Второй блок, относящийся к тематике смысла социальной дискурсивности, включает в себя тексты постмодернистов и постструктуралистов Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж. Делёза, Ж. Деррида, Ж. Лакана, а также философов, работающих в русле герменевтической традиции, – Г.-Г. Гадамера, В. Дильтея, Ж.-Л. Нанси, П. Рикёра, П. Серию, О. Бушмакиной, В. Налимова, В. Руднева и др.

Фундаментальные исследования по мифам, релевантные для данного диссертационного исследования, представлены третьим блоком публикаций. Это классические труды по теории мифа Э. Кассирера, Дж. Кэмпбелла, К. Леви-Строса, В. Тэрнера, Ф. Шеллинга, М. Элиаде, Я. Голосовкера, Ф. Кессиди, А. Лосева, А. Пятигорского, О. Фрейденберг. Психологические гипотезы формирования мифов предлагаются Э. Нойманом, З. Фрейдом, К.Г. Юнгом.

Миф как литературная конструкция рассматривается в четвертом блоке, в работах по семиологии, нарративности и текстуальности. Сюда можно отнести исследования Р. Барта, П. Рикёра, У. Эко, Ю. Лотмана, Е. Мелетинского, В. Проппа.

Пятый блок объединяет публикации по социальной мифологии. В работах К. Флада, П. Гуревича, Р. Зобова, Г. Осипова, С. Кара-Мурзы, В. Келасьева, В. Пивоева, Г. Почепцова, В. Шестакова социальный миф понимается как субъективно-иллюзорная форма восприятия объективной социальной действительности и как эффективное средство легитимации политической власти.

И, наконец, шестой блок публикаций содержит исследования, позволяющие рассматривать возможность самопредставления социального в структурах мифо-логичности. Это тексты Р. Барта, Ж. Бодрийяра, С. Жижека, Ж. Лакана, К. Леви-Строса, Х. Уайта.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является самопредставление социальной реальности в структурах субъективности, предметом – конструирование мифо-логического дискурса как способа самопредъявления смыслов социального.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационной работы – предъявить самопредставление смысла социальной реальности в структурах саморефлексирующей социальной субъективности, манифестирован-

ной в конструкциях мифо-логического дискурса. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- показать способы рационализации субъективности в структурах социального;
- определить парадоксальные основания социального логоса на границе социальной дискурсивности;
- установить объективацию смыслов настоящего в мифологических структурах;
- выявить мифологизацию социальной реальности в эссенциализме;
- обосновать позицию субъекта смысла мифо-логического дискурса.

Теоретико-методологическая основа исследования. Поскольку социальная реальность утверждается в данной работе как реальность дискурсивная, постольку социальная субъективность понимается как самопроявляющаяся в осмысленных структурах языка. Целостность смысла как его неразложимость на составные элементы требует привлечения целостного подхода к изучению социальной реальности на основе герменевтической онтологии, реализуемой методом субъект-объектного тождества.

Онто-гносеологическая направленность диссертационного исследования обусловила необходимость обращения к корпусу философских текстов, написанных в аспекте современной герменевтики и представленных, прежде всего, именами Г.-Г. Гадамера, Ж.-Л. Нанси, П. Рикёра, М. Хайдеггера, в работах которых социальное бытие понимается в тождестве с языком, мышлением и временем. Использование метода субъект-объектного тождества потребовало тщательного анализа классических трудов по философии, особенно Г. Гегеля, Р. Декарта и Ф. Шеллинга. Р. Декарта можно рассматривать как основоположника философствования в категориях субъективности и объективности. Кроме того, именно у Р. Декарта впервые произошло закрепление представления о самоосновности человеческого мышления, которое стало базисным положением, открывающим возможность самостоятельной философской дискурсивности, исходящей из убеждения о невозможности мыслить о мышлении, выходя за его пределы в акте трансценденции. Здесь обнаруживается принципиальная имманентность философских объектов, тождество объекта и субъекта процесса мышления. У Г. Гегеля и Ф. Шеллинга осуществляется дальнейшее развитие картезианского тождества субъекта и объекта по двум противоположным направлениям в русле позитивной и негативной онтологии. Гегелевская система исходит из принципа противоречия, кладя в основу бытия не-бытие, ничто. Шеллингианская традиция построения философского дискурса позволяет представить социальную реальность как сконструированную систему социального знания, в языковых структурах которой происходит самоопределение мыслящей субъективности. В этом смысле методологически значимой представляется герме-

невещическая онтология М. Хайдеггера, поскольку предпосылает всем философским исследованиям фундаментальный вопрос («почему, существует, собственно, бытие, а не ничто?»), проблематизирующий логическую равноценность выбора «бытия» или «не-бытия» в качестве отправного пункта рассуждений. Решение данной проблемы осуществляется в работах О. Бушмакиной, рецепция которых позволила автору концептуально оформить собственное диссертационное исследование.

Поскольку в данной работе социальность анализируется в качестве самоконструирующейся реальности системы знания, постольку большое внимание было уделено обстоятельному изучению философских проблем, связанных с конструктивизмом. Вопросы конструирования социальной реальности излагаются в работах П. Бергера, П. Бурдьё, Ф. Кюркюфа, Р. Ленаура, Т. Лукмана, Н. Лумана, Д. Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампана, А. Щюца, Н. Элиаса, Ю. Качанова, В. Малахова.

Необходимость в установлении пределов социальной рациональности потребовала обращения к текстам Ж. Батая, Г. Башляра, Ж. Бодрийяра, Ж. Делёза, Ж. Деррида, К. Леви-Строса, З. Фрейда, М. Фуко, Н. Автономовой.

Выбор концепции Ж. Лакана и его последователя С. Жижека в значительной степени послужил основой выявления дискурсивных механизмов формирования социального мифа как воображаемой фантазматической конструкции, призванной заполнить «разрыв» в системе социального знания вследствие элиминации из нее конструирующего субъекта-исследователя. Прояснение вопросов относительно мифов о социальной истории было осуществлено благодаря работам Р. Анкерсмита, А. Данто, Б. Кроче Х. Уайта.

Научная новизна основных результатов исследования заключается в следующем:

- показаны способы рационализации субъективности в структурах социального через полную объективацию социального смысла в мифологических конструктах дискурса «абсолютного субъекта», или «социальной действительности» как объективной данности, либо чистую субъективацию социальности в непрерывном неопределенном потоке внутричувственного переживания, что приводит к необходимости самоопределения социального в структурах субъект-объектной целостности;

- определена парадоксальность социального логоса на границе социальной дискурсивности, основанием которой является субстанциализация субъективности и объективности, вследствие чего возникает тавтология логоса и мифа как неререфлексируемого тождества, приводящая к парадоксу существования не-существования социального бытия, «место»-положение которого оказывается пустым, продуцируется миф о «конце социального»;

- установлена объективация смысла «настоящего» в мифологических структурах, манифестирующихся во времени как социальная идеология, а в пространстве – как социальная утопия;

- выявлена мифологизация социальной реальности в эссенциализме, реализующаяся через гипостазирование социальных понятий, реификацию социальных отношений и эссенциализацию социальных сущностей;

- обоснована позиция субъекта смысла саморефлексирующего мифо-логического дискурса на границе самоопределяющейся социальной реальности в точке субъект-объектного тождества, предьявляющей тождество социального бытия, языка и мышления как тождество мифа и логоса.

Положения, выносимые на защиту:

- пределы рационализации целостности социальной субъективности показываются в мифологических конструктах дискурса «абсолютного субъекта» и в непрерывном неопределенном потоке внутrichувственного переживания;

- основания социальной дискурсивности определяются на границе через тавтологию и парадокс мифа и логоса;

- пространственная и временная объективация смысла «настоящего» устанавливается в структурах мифологического дискурса;

- мифологизация социальной реальности выявляется в принципах гипостазирования, реификации и эссенциализации;

- саморефлексия социальной субъективности обосновывается как позиция субъекта самоопределяющегося смысла мифо-логического дискурса на границе социальной реальности.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования. Теоретическая значимость работы заключается в построении целостной модели саморепрезентации социальной реальности в структурах саморефлексирующей мифо-логической дискурсивности. Практическая значимость состоит в том, что полученные в результате исследования выводы могут быть положены в основу дальнейшей разработки ряда тем по современной социальной философии, культурологии, политологии, эпистемологии, а также использованы в учебном процессе в виде различных спецкурсов.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в публикациях, неоднократно обсуждались на кафедре социологии коммуникаций и кафедре философии УдГУ, на аспирантских семинарах, излагались в выступлениях на V российской университетско-академической научно-практической конференции (Ижевск, 2001), VI Всероссийской научно-практической конференции «Современные социально-политические технологии в сфере развития межрегиональных связей» (Ижевск, 2001), VII научно-практической конференции «Современ-

ные социально-политические технологии в сфере формирования толерантного общественного сознания» (Ижевск, 2002), Международной научно-практической конференции «Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации» (Ижевск, 2003), Всероссийской научно-практической конференции «Современные социально-политические технологии и информационное пространство российских регионов: история, проблемы, перспективы» (Ижевск, 2004), Шестой российской университетско-академической научно-практической конференции (Ижевск, 2004), Всероссийской научно-практической конференции «Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики» (Ижевск, 2005). Основные идеи диссертации использовались автором при разработке курсов «Психоанализ рекламы», «Манипулятивное воздействие массовой коммуникации», «Семиотика», а также спецкурса «Мифология массового сознания», читаемых студентам Института социальных коммуникаций УдГУ, обучающихся по специальностям «связи с общественностью» и «реклама».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Общий объем диссертации представлен 128 стр. основного текста и 17 стр. библиографического списка, включающего 251 наименование использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы диссертационного исследования, освещается степень ее научной разработанности, формулируются цель и задачи, определяются исходные теоретико-методологические установки, раскрывается научная новизна работы и ее практическая значимость.

В **первой главе «Типизация социального между «мифом» и «логосом»»** устанавливаются пределы рационализации целостности социальной субъективности в структурах социальной реальности, предъявляющиеся в способах мифологического конструирования.

В **первом параграфе «Рационализация субъективности в структурах социального»** определяются варианты мифологизации социальной реальности через полную объективацию и полную субъективацию социального смысла.

Социальные науки в своих границах сталкиваются с проблемой субъективности, предстающей как проблема истинности социального знания, то есть, иначе, как проблема его объективности. Поиск оснований социальной рациональности сводится к поиску объективных оснований, удостоверяющих истинность, общезначимость системы социального зна-

ния, в связи с чем представляется возможным говорить о трех основных способах выстраивания системы объективного социального знания.

В первом случае поиск объективных оснований социальных наук осуществляется через отсылку к Разуму как инстанции абсолютной субъективности, обладающей объективной истиной непреходящего свойства. Абсолютный субъект, будучи вечным и бесконечным, выступает гарантом истинности системы социального знания – его абсолютная точка зрения не принадлежит никому, не включается в бытие познавательной системы, и поэтому рассматривается как идеологически нейтральная, незаинтересованная, а следовательно, объективная. В этом случае можно говорить о трансцендентальном субъективизме, характерном для всей истории западноевропейской традиции и наиболее радикально представленном в философии Г. Гегеля. Трансцендентальный субъективизм предъясняется как миф о всемирной истории, который прокламируется абсолютным субъектом, объективирующим собственную субъективность в структурах социальной истории, имеющей трансцендентный смысл. Здесь осуществляется полная объективация социальной субъективности в конструктах истории «как она есть», или как данности.

Во втором варианте объективность социального знания конструируется путем отождествления общества с объектом как данностью. Объективное существование общества здесь не проблематизируется, а рассматривается как очевидность, то есть как объект (вещь) среди прочих объектов (вещей), поэтому неявно предполагается как само собой разумеющееся, что общество доступно для объективного исследования в рамках социальных наук. Объективация общества приводит к натурализму в социальном познании, при котором гуманитарное знание отождествляется с естественнонаучным, в результате чего происходит редукция социального к природному. Смысл по-прежнему сохраняет свою трансцендентность, неявно указывая на присутствие абсолютного субъекта как гаранта смысла, отождествляемого с идеей всеобщего развития, или прогресса. Возникает миф о социальной действительности как естественно-историческом целом, существующем по объективно-историческим законам, где социальная реальность объективируется как идеологический текст абсолютного субъекта, находящегося за пределами критики, то есть социальный миф о возможности познания полной объективной истины об обществе предъясняется в нерелексируемых конструкциях социального текста как данности.

Третий способ построен на сомнении в отношении способности естественнонаучной методологии предоставить «наукам о духе» адекватный познавательный инструментарий. Отказ от научно-объективистской рационализации в рамках системы социально-гуманитарного знания связан с тематизацией общества через самодостоверность как самооснов-

ность социального субъекта. Здесь, в свою очередь, также можно выделить два возможных варианта разворачивания указанной позиции. Так, в одном случае, а именно в «философии жизни» и «философии иррационализма», в результате чистой субъективации социально-гуманитарного знания появляется фигура «психологического (перцептуального) субъекта», погруженного в интуитивно переживаемый поток непосредственного существования, в связи с чем социальность подвергается редескрипции через психологические структуры индивидуального внутреннего опыта. «Понимание», которое выдвигается тут в качестве наиболее релевантного метода гуманитарного познания, интерпретируется преимущественно в духе эмпатического «вчувствования» в социальную ситуацию, что повышает степень значимости аффективности при описании социальной системы и приводит к психологизации общества. Возникает миф о социальности как непрерывном потоке внутренней чувственности. При этом появляется предпосылка для введения в социальный анализ имманентного подхода, который не может полностью актуализироваться ввиду того, что исчезает объективность, а вместе с ней и возможность самоопределения субъективности в структурах языка и мышления.

Альтернатива состоит в том, что самоосновность социального субъекта проявляется в акте самообусловленной рефлексии и предъявляет его как мыслящего субъекта социальной дискурсивности. Такой подход позволяет сохранить целостность и осмысленность социально-философской дискурсивности, тогда как в иных случаях происходит элиминация мыслящего субъекта как источника смыслообразования из системы социального знания, в которой «пустое» место изъятой субъективности становится условием возможности формирования социального мифа, призванного компенсировать образовавшуюся нехватку попытками объективирующего «до-полнения», доведения до целостности. Однако при этом возникает парадокс, суть которого заключается в том, что чем усерднее стремление ликвидировать «разрыв» указанным способом, тем интенсивнее увеличение «ширины» этого «разрыва», что продуцирует все новые и новые социальные мифы, чья «обсессивность» сводится к нахождению абсолютной истины как незыблемого основания социальной рациональности.

Во **втором параграфе «Парадоксальность социального логоса»** выявляются парадоксальные основания социальной рациональности на границе социальной дискурсивности.

Система социального знания, следуя классическому рационализму Р. Декарта, исходит из соотношения «объекта» и «субъекта» при формулировании собственных социальных конструктов. В силу того, что картезианская система дуалистична, ибо исходит из наличия двух первопринципов в статусе субстанций, она провоцирует две противоположенные попытки, соответствующие либо полной субъективации, либо полной

объективации социального познания. Будучи противоположенными, субъект и объект обретают собственную онтологическую и гносеологическую идентичность в акте отрицающего определения: «субъект – это не объект», «объект – это не субъект». Таким образом, дефинитивная негативизация данных «величин» задает их сущностное содержание парадоксальным образом, поскольку субъект в таком случае понимается как не-субъект ($S = \text{не-}S$), а объект – как не-объект ($O = \text{не-}O$). Противоположение субъект-объектного единства как тождества, инспирируя парадоксализацию социального логоса, с необходимостью приводит к мифологизации социального знания. Как полная субъективация познавательного отношения, так и его полная объективация по своим конечным результатам совпадают, ибо равным образом реализуют отказ от мышления в пользу не-мышления, что можно отобразить формулой парадокса «мышление = не-мышление». Поскольку точка мыслящего «Я» является точкой самообнаружения существования, предьявляющей рефлексивное тождество мышления и бытия, постольку отказ от мышления результируется также и в нигилизации существования (бытие = не-бытие).

Полная объективация мышления в трансцендентальном субъективизме инвестирует в систему знания в качестве ее основания абсолютное, или чистое, бытие, «абсолютная очищенность» которого от мышления делает его бессодержательным, пустым, а поэтому бытие совпадает с «ничто» (бытие = ничто). Подлинным бытием в философии обладает лишь трансцендентальный субъект, Бог как абсолютный разум, который и есть само это истинное бытие. Это положение выражается тезисом о тождестве разумного (*ratio*) и действительного. Однако это утверждение превращается в свою противоположность в области социальной истории. Разумная действительность, следовательно, неразумна уже по самой своей «природе», изначально, заранее чревата неразумностью (разум = неразумие, *ratio* = *irratio*). Тезис разумности всего действительного превращается в противоположный тезис иррациональности и иллюзорности всего существующего, требующего своей рациональной реконструкции, что и приводит к парадоксализации и нигилизации социального бытия в итоге: «общество есть то, что оно не есть» (общество есть = общество не есть).

Отказ от трансцендентализма приводит к переходу от идеализма и абсолютного субъективизма к научному объективизму, понимаемому как высший тип рациональности. Презумпция естественнонаучного рационализма служить образцом для социально-гуманитарного познания, ориентирующего на рассмотрение своего предмета как объективной данности, в результате полной объективации системы социального знания приводит к тому, что культура опредмечивается, овеществляется, редуцируется к природе, то есть возникает парадокс «культура = не-культура

(природа)». Общество отождествляется с объективной данностью, существующей по естественно-историческим законам.

Полная субъективация социального познания конституирует социокультурный процесс как «жизнь», как неререфлексируемый поток внутривещной интуиции. Мышление (*ratio*) здесь заменяется немышлением (*irratio*), экстазом, медитацией, которая трансцендирует за пределы мышления и языка и протекает в области не высказываемого интроспективного опыта как недифференцированного потока непосредственной чувственности, или потока переживаний, в зоне молчания, «неслова». Это адекватно представлению о том, что непосредственное существование социального индивида в потоке переживаний возможно без мышления: «Я мыслю там, где я не существую, и существую там, где я не мыслю». Возникает парадоксальное существование «отсутствия в присутствии и присутствия в отсутствии» ($A = \text{не-}A$). Существование отождествляется с бессознательным состоянием «без-мыслия», исходя из чего процесс социального бытия рассматривается как сущностно детерминированный бессознательными структурами психического, как недифференцированный хаос, как нулевое состояние социальности. Существование «свободной субъективности» как континуальной текучести социальной семантики оказывается нонсенсом.

Поскольку миф изначально связывается в западноевропейской традиции философствования с запредельной для смысла и разума сферой иррационального и бессмысленного, постольку доведение до логического предела интенций по субстанциализации субъективности и объективности завершается парадоксом «логос = миф». Следствием мифологизации социального логоса является утверждение в качестве структурирующей социальной бытие инстанции «анонимной потенциальности», лишенной каких-либо определений и принципиально их избегающей. «Апофатизм» сущности социального бытия приводит к антиномии существования несуществования общества, «место-положение» которого оказывается пустым, порождая миф о «конце социального».

Во второй главе «**Самоопределение социального в мифологических структурах**» выявляются исходные гносеологические установки, приводящие к мифологизации социальной дискурсивности; обосновывается возможность сохранения смысла социальной реальности.

В первом параграфе «**Объективация смыслов «настоящего» в структурах социального мифа**» анализируются способы пространственной и временной объективации социального смысла, предьявляющиеся в конструктах социальной утопии и социальной идеологии.

Течение времени тождественно потоку бытия самоопределяющейся субъективности в точке смысла «настоящего», которое представляет собой границу в потоке социального времени. Бытие времени в качестве потока мышления реализуется как саморефлексирующая деятельность

социального субъекта через границу настоящего как точку субъект-объектного тождества, в которой осуществляется саморепрезентация социального субъекта в формах объективности, актуализованных в социально-исторических конструкциях. «Настоящее» в этом ключе понимается как точка тождества «прошлого» и «будущего», или как единство и целостность социального времени. В том случае, когда отсутствует саморефлектированность оснований социального познания, тогда нарушается принцип субъект-объектного тождества, происходит разрыв в мышлении, проявляющийся в потере оснований и абсолютизации как чистой субъективности, так и чистой объективности. Не-рефлектированность настоящего делает его непросматриваемым, что равнозначно тому, что настоящее полностью опустошается и обнуляется. Поток чистой субъективности трансформируется в поток не-бытия, или чистой объективности.

Чистая перцепция, не опосредуемая в знаках языка, не несет в себе определяющего начала и потому неспособна отразиться в исторических структурах социального бытия как текста. Это адекватно полному растворению субъективности в потоке нерелексированной повседневности, в которой ничего не происходит, ввиду ее неразличности, т.е. как бы изо дня в день повторяется одно и то же. С одной стороны, повтор является условием для структурирования через типизации, с другой стороны, неизменность социального существования приводит к тому, что социальное время в структуре повседневного существования объективируется и отождествляется с пространством социальных типизаций.

Полная объективация социальной субъективности связана с трансценденцией смысла настоящего. Эта процедура является следствием гипостазирования «прошлого» и «будущего», выступающих конституентами социальной истории. Настоящее тогда трактуется исключительно отрицательно – как «не» прошлое и «не» будущее – и, подвергаясь удвоенной негации, предельно опустошается. Смысл настоящего отсрочивается, откладывается во времени, проецируется либо в прошлое, либо в будущее, продуцируя парадоксально-временные модусы присутствия «настоящее-в-прошлом» и «настоящее-в-будущем».

Время интерпретируется как объективное образование, независимое от социального субъекта, и представляет собой определенным образом структурированный поток, в русле которого и осуществляется историческое существование общества. История общества понимается в этом случае как социальный прогресс, каждый этап в процессе которого является лишь подготовкой к последующей, более совершенной ступени общественно-исторического развития. Смысл социальной истории связывается с представлениями о ее конце, эсхатологизируется.

Сама же констатация момента достижения обществом конца истории предполагает наличие абсолютного наблюдателя, располагающего

ся вне истории (в а-топии) и описывающего в структурах идеологического текста (утопии) ее закономерный ход к финальной стадии.

Таким образом, объективация смысла настоящего выводит его за пределы актуального социального текста, превращая тем самым в трансцендентную точку зрения, в позиции которой располагается абсолютный субъект как носитель абсолютного смысла. С абсолютной позиции вне-временного смысла трансцендентального наблюдателя социальный мир в настоящий момент времени не совершенен, не такой, каким должен быть, требует постоянной доработки. В этом случае тавтологическое состояние «общество есть то, что оно есть» заменяется парадоксальным, согласно которому «общество есть то, что оно не есть». Репрезентация социальной реальности предстает как объективистский дискурс абсолютного субъекта, регистрирующего собственные наблюдения в системе высказываний о социальном мире как объекте. Текст абсолютного субъекта о социальной реальности выступает как социальная идеология. Поскольку местоположение смысла в пространстве актуального социального текста здесь установить невозможно, необходимо говорить о том, что он а-топичен, то есть буквально существует в «нигде». В этом случае речь идет о социальной утопии. Следовательно, социальный миф в аспекте времени манифестирует себя как идеология, а в аспекте пространства – как утопия

Во **втором параграфе «Мифологизация социальной реальности в эссенциализме»** устанавливаются механизмы объективации социального в структурах социальной действительности как данности.

Попытки понимания социальности в аспекте научного объективизма через отнесение ее к данности как объективному референту, определяющему основания социальной рациональности, приводит к мифологизации социально-философских построений, что является следствием процедуры эссенциализации и гипостазирования социокультурных конструкций, существующих лишь в форме символических конфигураций в языковом поле социальной дискурсивности.

Представляется возможным выделить три взаимосвязанных механизма мифологизации социальной реальности, а именно: гипостазирование социальных понятий, реификацию социальных отношений и эссенциализацию социальных сущностей.

В классической парадигме философствования от рационального мышления требуют соответствия бытию: познание определяется в своей истинностной функции, ориентируясь на объективные закономерности внешней действительности, обладая для этого необходимыми «врожденными» идеями, позволяющими выстроить адекватную внешнему «положению вещей» систему знания.

Согласно научному рационализму, вырастающему на почве естественной установки повседневного опыта, субъект-объектные отношения,

согласно логике «tertium non datur», не могут быть опосредованы ничем «третьим», поэтому язык выступает здесь абсолютно прозрачным и потому не просматриваемым средством, индифферентно фиксирующим результаты деятельности познающего разума. Мир описывается, якобы, таким, каким он есть на самом деле, поскольку предполагается, что между разумом и миром существует отношение «естественной» сигнификации. Это совпадение является следствием господства номинативной, или репрезентативной (репродуктивной), теории языка, предполагающей наличие первичной реальности, которую можно было бы копировать, воспроизводить (ре-продуцировать), то есть той первичной сущности, которая скрывается под лингвистическим термином (так называемое «трансцендентальное означаемое», предшествующее всякой сигнификации). Полагается, что по сути своей знаки есть некоторая деривация, что они вторичны относительно бытия и используются для его описания в модусе «так, как это существует в действительности». Возникает принцип «удвоения реальности». В силу такой установки из поля зрения выпадает радикальная произвольность и перформативность любой номинации, направленной на схватывание «внеязыковых» структур социальной действительности.

Стремление мыслить общество в качестве чего-то такого, что можно наблюдать извне, объективно, беспристрастно протоколируя результаты исследования с помощью категорий языка, приводит к трансценденции позиции наблюдателя и объективации языковой практики конструирования социальной реальности. Операциональные различия языка, используемые исследователем как методологический инструментарий при тематизации социальной реальности, гипостазированы, рассматриваются как налично данные факты, как объективные различия. Социальный субъект, применяющий различия для осуществления конструирующей операции наблюдения за социальной реальностью, исключает самого себя из того, что он наблюдает, становясь тем самым «исключенным третьим» своего наблюдения, безотносительным к тому, какое он использует языковое различие. Таким образом, сама практика обозначающего различия не проявляется, не рефлектируется в этом различии. Она существует как «слепое пятно» системы социального знания, как «место» отсутствующего субъекта, или «место»-положение рационализирующей объективации социальной субъективности как пространства «социального воображаемого».

Реификация социальных отношений продуцирует концепции, связанные с установлением объективной структуры социальной действительности, что в свою очередь провоцирует поиск исходной структуры как окончательного и универсального инварианта, задающего правила взаимного конвертирования и порождения всех частных социальных структур. В процессе последовательного «счищения» слоев, обнаружения

за многочисленными частными структурами все более общих, в остатке получается «нулевая», или «отсутствующая», структура, которой будет являться уровень бессознательной повседневности как вообще нулевой уровень социальности. Социальная структура, что вполне очевидно, может раскрываться только в порядке теоретической рефлексии, которая предполагает под собой «скачок», мысленное дистанцирование исследователя-наблюдателя от изучаемого социального объекта. Тем не менее, естественная установка продолжает неявно фигурировать и в теоретической рефлексии, определяя собой объективистский взгляд на существование социальных структур, которые, будучи всего лишь методологическим инструментарием социального конструирования, рассматриваются в дискурсе эссенциализма в качестве онтологических образований «социальных вещей».

Объективирующее исключение социального субъекта как единства различий из познавательного отношения приводит к парадоксализации системы социального знания, блокирующей ее целостное (непротиворечивое) и осмысленное выстраивание. Системный «разрыв» заполняется мифологическими конструктами, которые не столько соединяют, сколько увеличивают «разрыв», субстанциализируя структуры мышления и объективируя смыслы социального.

В **третьем параграфе «Субъект смысла мифо-логического дискурса»** обосновывается позиция саморефлексирующего субъекта на границе самоопределяющейся социальной реальности как в точке тождества языка, бытия, мышления и времени, или точке тождества мифа и логоса.

Для того, чтобы избежать подмены социально-философской дискурсивности социально-мифологическим дискурсом, необходимо утвердить субъекта мифо-логического дискурса, рефлектирующего собственные основания и критически рассматривающего социальный миф как дискурс, произведенный тем или иным субъектом. Это позволяет не только установить имя анонимного субъекта мифологического дискурса, но и установить теоретические основания его конструкций. Возникает возможность для «до-полнения» социального текста до осмысленного целого через именование автора. «Пустующее» место социального субъекта оказывается заполненным саморепрезентирующей субъективностью социального дискурса как мифо-логического конструкта. Здесь самооснованность социального субъекта проявляется в акте самообусловленной рефлексии и предъявляет его как мыслящего субъекта социальной дискурсивности, выступающего гарантом ее целостности и осмысленности. Социальную «мифо-логию» тогда можно понимать как «слово» (дискурс) о «мифе» (определенном социальном повествовании). Область мифологической дискурсивности формирует особую реальность «сверх-бытия», не сводимую к действительности, – это реальность самого мыш-

ления и языка, но язык, который здесь фигурирует, должен пониматься не в качестве номинативного, или дескриптивного. Это язык конструирующий, имеющий отношение не к действительности, а к самому себе. Он образует пространство существования мифа, рациональность которого является имманентной, производимой в автономии языковой реальности, обусловленной не поисками значений, а поисками смысла.

Самоположение социальной субъективности в качестве мыслящего и смыслополагающего основания социально-философской дискурсивности позволяет сохранить ее рациональность, не прибегая при этом к социально-мифологическим допущениям.

В **заключении** подводятся общие итоги исследования, формулируются выводы и намечаются дальнейшие направления работы по теме диссертации.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Яркеев А. В. Бытие социальной реальности в конструктах темпоральности // Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2005. С. 356-363.
2. Яркеев А. В. Миф как символическая форма коммуникации // Сборник тезисов 5-й российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 1. Ижевск, 2001. С. 138-139.
3. Яркеев А. В. Самоорганизация общества посредством мифа // Материалы Шестой российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 1. Ижевск, 2004. С. 30-31.
4. Яркеев А. В. Власть языка и язык власти: мифологический аспект // Материалы Шестой российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 1. Ижевск, 2004. С. 47-48.
5. Яркеев А. В. Языковые мифоконструкты в политическом дискурсе // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации: Материалы международной научно-практической конференции. Ижевск, 2003. С. 175-176.
6. Полякова Н. Б., Яркеев А. В. Толерантность как социально-политический миф // Сборник материалов VII научно-практической конференции «Современные социально-политические технологии в сфере формирования толерантного общественного сознания». Ижевск, 2002. С. 24-25.
7. Яркеев А. В. Современные коммуникации в аспекте структурно-семиотического подхода // Современные социально-политические технологии и информационное пространство российских регионов: история,

проблемы, перспективы. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2004. С. 90-91.

8. Яркеев А. В. Социальный миф как средство социальной интеграции // Актуальные проблемы современной России. Сборник статей. Ижевск, 2003. С. 341-347.

9. Яркеев А. В. Проблема толерантности в аспекте постмодернистской мифологемы // Сборник материалов VII научно-практической конференции «Современные социально-политические технологии в сфере формирования толерантного общественного сознания». Ижевск, 2002. С. 45-47.

10. Яркеев А. В. Особенности мифа как коммуникации // Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции «Современные социально-политические технологии в сфере развития межрегиональных связей». Ижевск, 2002. С. 135-137.